

О РЮМИНОЙ Е. К. — в ОГПУ

РЮМИНА Екатерина Константиновна, родилась в 1872 в Санкт-Петербурге. Проживала в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде, занималась домашним хозяйством; посещала богослужения в местном храме. В ночь с 18 на 19 декабря 1929 — арестована как «участница нелегальной религиозной организации "Армия спасения"»; обвинялась также «в религиозной пропаганде и хранении контрреволюционной религиозной литературы»; весной 1930 — освобождена из заключения, дело не прекращено. 17 сентября 1930 — приговорена к 3 годам ссылки в Восточную Сибирь и 30 сентября вновь арестована и отправлена в Дом предварительного заключения; в октябре выслана в село Братское Иркутской области.

В конце декабря 1930 — в ОГПУ обратился с заявлением ее сын, Сергей Федорович Рюмин.

<28 декабря 1930>

«Копия

ОСОБОУПНОМОЧЕННОМУ ПО ДЕЛАМ
П<олномочного> П<редставительства> ОГПУ
Л<енинградского> В<оенного> О<круга>

Штурмана Советского Торгового
Флота Сергея Федоровича РЮМИНА
(Ленинград, Надежнинская ул<ица>,
д<ом> № 50, ка<ртира> 19

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В ночь на 18-е декабря 1929 г<ода> сотрудником ОГПУ т<оварищем> Алексеевым, согласно ордера № 1006 от 10/XII-1929 г<ода>, была арестована моя мать, гр<аждан>ка Екатерина Константиновна РЮМИНА и препровождена в Д<ом> П<редварительного> З<аключения>.

Впоследствии выяснилось, что ей предъявляется обвинение в участии в нелегальных религиозных организациях ("Армия спасения"), связь с контрреволюционными организациями, хранение контрреволюционной и религиозной литературы и религиозная пропаганда. Эти статьи упоминались и в обвинительном заключении, зачитанном следователем после окончания следствия. Заключение было тогда же опротестовано моей матерью, заявившей следователю, что ничего подобного с ее стороны никогда не было, и что признать себя виновной по этим статьям она отнюдь не может. Следователь, гр<аждани>н Баркалов, тогда признал справедливость ее протеста и заявил, что статьи эти будут вычеркнуты из обвинительного акта.

Вскоре после этого моя мать была освобождена из Д<ома> П<редварительного> З<аключения>, причем, ей было сообщено, что ее дело, вероятнее всего, пойдет на прекращение.

В это время я находился в заграничном плавании на п<аро>х<оде> Советского торгового флота "Курск". Известие об аресте моей матери дошло до меня с большим опозданием и ошеломило меня своей невероятностью. Я хорошо знал взгляды своей матери и ее образ жизни, исключавшие всякую возможность какого-либо отношения к контрреволюции и пропаганде своих религиозных настроений, к стати сказать, совершенно далеких от политики. То, что в ее вполне обыденной привычке копить, вернее, хранить всякий хлам, в том числе одиночные

экземпляры религиозных брошюр, листовок и книг, почти полностью относящихся к изданиям довоенного и военного периода, можно было увидеть преступный акт хранения контрреволюционной религиозной литературы и пропаганды, явилось для меня полной неожиданностью.

Однако, находясь все время в плавании, я был лишен возможности что-либо предпринять для выяснения этого дела вплоть до июля м<еся>ца, когда вернулся на п<аро>х<од>е "Волховстрой" в Ленинград. К этому времени моя мать была уже на свободе, и из ее слов я узнал, что дело ее пойдет на прекращение, и не стал возбуждать ходатайства и вскоре снова ушел в заграничное плавание. В октябре м<еся>це, находясь с п<аро>х<од>ом на Черном море, я снова получил извещение, на этот раз о том, что мать моя выслана на три года в Восточную Сибирь. Лишь в конце ноября т<екущего> года, вернувшись в Ленинград, я узнал подробности ее высылки, которые — считаю своим гражданским долгом заявить это, — не могу назвать иначе, как возмутительными и незаконными, к тому же не оправдываемыми хотя бы тенью необходимости в них.

30-го сентября с<его> г<ода> в 6 ч<асов> утра на квартиру явился милиционер и потребовал, чтобы моя мать оделась и последовала за ним. Решив, что ее направляют снова в Д<ом> П<редварительного> З<аключения> для окончания судебной процедуры по делу, послужившему мотивом для ее ареста в декабре 1929 г<ода>, мать разбудила находившуюся в квартире мою сестру, Марию Федоровну Павлихину. Пораженные неожиданностью требования, ни мать, ни сестра не спросили даже, на каком основании предъявляется оно, и моя мать собралась идти без вещей и денег, сказав, что скоро вернется. Только после этого выяснилось в разговоре с милиционером, что по постановлению суда мать высылается из Ленинграда. Однако, ни этого постановления, ни ордера предъявлено так и не было. После ухода матери, сестра обратилась в Д<ом> П<редварительного> З<аключения> с просьбой сообщить причины такого неожиданного постановления и разрешить свидание с матерью.

Гражданин, исполнявший обязанности коменданта Д<ома> П<редварительного> З<аключения>, долгое время отказывал ей в этом, причем, поминутно повышал голос и обрывал посетителей, также обращавшихся к нему с заявлениями. Одну гражданку, страдавшую заиканием, своими окриками и передразниванием ее речи довел до истерических слез. Моей сестре он неоднократно, невзирая на всевозможные доводы и прямые указания, заявил, что матери в Д<оме> П<редварительного> З<аключения> нет, вопреки факту. Лишь накричавшись вдоволь, "гражданин" комендант соблаговолил разрешить ей самой узнать номер камеры и получить свидание с матерью.

На вопрос же, за что же высылается мать "гражданином" комендантом был дан исчерпывающий ответ: "Когда вышлем, тогда узнаете".

Перед высылкой моей сестре все же удалось установить, что поводом для высылки явились как раз те статьи обвинения, которые следователем Баркаловым были вычеркнуты из обвинительного акта.

О том, что высылка из Ленинграда уже состоялась, сестра узнала спустя несколько дней, когда готовила для матери передачу, считая, что она еще в Д<оме> П<редварительного> З<аключения>. Она получила от матери письмо уже с дороги, из Вятки.

В настоящее время моя мать находится в Иркутском Изоляторе, если ее вместе с остальными высланными не отправили уже по этапу в село Братское (б<ывший> Братский Острог) за двести километров от Иркутска, как это предполагалось, судя по полученным от нее известиям. При этом

не могу не упомянуть, что моей матери около 60-ти лет, и у нее большие подагрой ноги.

С полным сознанием ответственности, как гражданина, я заявляю:

1) Гражданка Е. К. Рюмина, моя мать, никогда не была контрреволюционеркой, никогда не имела связей с контрреволюционными элементами, никогда не вела религиозной пропаганды и не хранила подобной литературы. Ее религиозность никогда не соприкасалась с политикой и всегда была лишь делом совести, внутренним мироощущением, что отнюдь не является противозаконным актом, могущим служить поводом для высылки или какой-либо другой меры.

2) Высылку моей матери со всеми сопутствующими ей фактами, изложенными здесь, считаю актом безусловно произвольным, объясняемым в лучшем случае лишь чудовищным недоразумением, тем более, что недоразумение это в ее возрасте не может не повлечь за собой опасности для здоровья и даже жизни человека.

3) Обстоятельства высылки сплошь противозаконны и не оправданы необходимостью. Если бы перед этим кто-либо осмелился бы мне сказать, что у нас в Союзе возможны такие вещи в настоящее время, я счел бы это утверждение явно злопыхательством и наглой клеветой на органы государственной власти.

Гражданин Особоуполномоченный, я прошу Вас посмотреть на это мое заявление не только как на жалобу родственника пострадавшей, но и как на объективное изложение пусть незначительных, может быть, для наших напряженных и серьезных дней, но все же весьма уродливых фактов, которые следовало бы искоренить, потому что они позорят великое дело революции и социалистической стройки.

По существу же моего личного дела я прошу Вас:

1. Принять меры к пересмотру дела моей матери Е. К. Рюминой.

2. Выяснит причины оставления в обвинительном акте статей, которые по словесному заявлению следователя Баркалова должны были быть вычеркнуты (статьи эти указаны мною выше).

3. Вызвать меня для дачи показаний и выяснения всех затронутых здесь обстоятельств.

В настоящее время я нахожусь в отпуске, на берегу и проживаю в Ленинграде (адрес указан в заголовке).

<подпись>

28/XII -1930 г<ода>»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 625. Л. 24-26. Машинопись, подпись и дата — автограф.